

Илона Волынская

Кирилл Кащеев

Приключение в наследство

Серия «Детективное агентство «Белый гусь»», книга 13

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8953569

Приключение в наследство : [повесть] / Илона Волынская, Кирилл Кащеев: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-74195-3

Аннотация

У сестер Кисоньки и Мурки известная фамилия – Косинские. Их предку посвящены целых пол-абзаца в учебнике истории! Поэтому, когда на форуме потомков знаменитого гетмана появилось объявление о летнем отдыхе, совмещенном с поисками клада Косинского, девочки не смогли пройти мимо. И вот уже сестры знакомятся с другими наследниками, предвкушая лето с легким привкусом азарта, но оказывается, что для некоторых людей клад и в самом деле реален, и эти таинственные некто готовы на все, чтобы убрать конкурентов... Только Кисонька и Мурка не простые девчонки, а детективы из агентства «Белый гусь», и они готовы к любым приключениям!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кирилл Кашеев, Илона Волынская

Приключение в наследство

© Волынская И., Кашеев К., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог Кровь на монетах

* * *

Сумерки сгустились над развалинами. Собственно, и развалинами-то это не назовешь: что здесь было, развалилось от войн, погоды и времени, что осталось – за прошедшие века успело развалиться вновь... и остатки тоже не уцелели. Сохранились пара каменных остовов стен, высотой и шириной с табуретку, поросшая травой канавка, где когда-то был ров, и холмики размером с кротовью кучку. Только зная, что ищешь, можно было догадаться, что холмики расположены геометрически правильно, по периметру возвышавшихся здесь когда-то укреплений. Понятно, почему эти развалины развалин не привлекали туристов. Но кое-кто здесь все-таки был.

Металлоискатель напомнил о себе приглушенным звоном.

– Слышь, там что-то есть! – Парень с металлоискателем плюхнулся на колени. – Как думаешь... оно? То самое?

– Откопаем – увидим. – Напарник ударами складной лопатки срезал траву и аккуратно обкапывал ямку в выделенном металлоискателем месте. – Даже если не оно... – На девяносто процентов он был уверен, что «не оно» и «не то самое», но разочаровывать новичка не хотелось. – Все равно отличный «коп» получился. Место если не золотое, то очень даже медное, – усмехнулся он. – Одних «буратинок»¹ под верхним слоем уже две пригоршни.

– Плевать на «буратинок»! – почти взвизгнул первый, до белизны сжимая пальцы на ручке металлоискателя. – Я ради них два года архивы шерстил?!

– И-и-и, мила-а-ай! – подражая старушкам из старых фильмов-сказок, протянул опытный напарник. – Знал бы ты, ради какой фигни иногда приходится по архивам копать. Самым кладистым кладом, который мне удалось нарыть за всю мою копаческую карьеру, был ящик с советскими червонцами, командирскими часами и партбилетом.

¹ Искаж. боратинка – медная монета, чеканилась в Речи Посполитой в 1659–1668 гг.

– Есть карта. Там все показано, – зло процедил первый. Тяжело перевел дух, изо всех сил стараясь говорить сдержанно. – Не вижу причин, почему бы нам не найти.

– Кроме той, что это не карта, а очень приблизительный план местности, который рисовал безграмотный крестьянин четыреста лет назад? Действительно, какие могут быть причины?

– Если мог план нарисовать, значит, не безграмотный. По тогдашним меркам, – хмуро пробормотал первый и неловко добавил: – Не обижайся. Я просто...

Лопата обо что-то звякнула. Напарник запустил в раскоп руку...

– Что?! – застонал первый, почти ныряя в яму.

– Тихо-тихо! – второй поймал его за плечи. – Выражение, что клады ищут не лопатой, а головой, не означает, что этой головой надо копать. Кинь мне нож.

Первый метнулся к снаряжению и ткнул в напарника ножом.

– Мне, а не в меня! – рявкнул тот, перехватил нож за рукоятку и, работая широким лезвием, принялся расширять раскоп. Жирный дождевой червяк верхом на комке земли усвистал в даль, блеснуло что-то металлическое размером с монетку.

– Серебро? – дрогнувшим голосом спросил первый.

– Скорее олово. – почему-то шепотом ответил второй, а губы его расползались в неудержимой улыбке. – Реально старинное.

– Сундук, да, сундук? – первый на четвереньках заплясал вокруг ямы, как мультяшный пес вокруг косточки.

Тускло-серебристый просвет увеличился до небольшого блюдца, стали отчетливо видны выпуклости на оловянной бляхе: узоры забила земля, но все равно можно было разглядеть цветок, птицу...

– Я знал! – глядя, как ловкие пальцы напарника ощупывают узор, с тихим восторгом выдохнул первый. – Я верил! Это ж всего один сундук, а их десятки! Сокровища моего предка! Сундуки, бочки, бочонки! Золото, драгоценные камни!

– Ну да, учитывая, что твой предок половину шляхетских имений по Волини грабанул, Киев вчистую обнес... – Напарник отложил нож, сунул обе руки в яму, напрягся... Приятель судорожно дышал ему в затылок.

– Ну-у?! – простонал он, с хлопком втягивая воздух между зубами. – Сундук?

Спина напарника напряглась, под грязной майкой вздулись мускулы, и он завалился на спину, сжимая в руках...

– Ну, типа, сундук. Сундук, типа, шкатулка. – В руках у него была продолговатая шкатулочка с висящей на одной петле крышкой.

Из груди первого вырвался неопределенный звук – то ли стон, то ли вздох. Посмеиваясь, напарник сдвинул скособоченную крышку и вытряхнул содержимое на газету. Из шкатулки посыпалась земля... и вывалились медный крест на сгнившем кожаном гайтане, темные бусины, когда-то бывшие низкой янтарного ожерелья, и мелкие жемчужинки, грязно-серые и похожие на дохлых личинок. Налетевший ветерок кинул в лицо перепревшую труху, некогда бывшую узорчатой девичьей лентой.

Первый схватил лопату... и яростно шарахнул по найденному кладу. Шкатулка упала набок, скатилась вниз с холмика раскопа. Зерном рассыпались бусины.

– Совсем сдурел! – заорал напарник. – Настоящее Средневековье! С тем, что уже накопили, поездку окупит и на следующую останется. – Он кинулся поднимать с земли медный крест.

– Ты не понимаешь... – прижавшись лбом к черенку лопаты, бормотал первый.

– Где уж мне, после стольких лет примитивно-приземленного копа, – собирая рассыпавшиеся бусины, ворчал второй.

– Предок... карта... золото... – раскачиваясь, как в трансе, продолжал бубнить первый.

– И правда золото! – вдруг изумленно охнул второй и сунул товарищу под нос нечто, больше всего похожее на комок грязи. – Все как ты хотел... только немножко меньше!

Приятель с силой подбил его ладонь:

– Никакое это не золото!

– А я тебе говорю, кольцо! – подхватывая непонятный комок в полете, настойчиво повторил напарник. И рванул по склону холма к текущей внизу речушке.

– Куда тебя понесло? – заорал ему вслед приятель, но тот уже скакал по широким круглым валунам, уходящим в воду чуть не до половины ширины речушки.

– Сейчас увидишь! – обернулся он, поднимая сгусток грязи над головой...

Нога поскользнулась на гладком влажном валуне. Взмахивая руками, точно выполняя гимнастическое упражнение, он еще старался удержаться – но подошвы разъехались, и, подняв столб брызг, он рухнул в воду.

– Придурок! – рявкнул первый и, так и не выпуская из рук лопату, кинулся на помощь.

Гладь реки раздалась посреди отражения белого облака, и из глубин с фырканьем вынырнул напарник. Что-то прокричал... и снова исчез. Вода вскипела... и затихла, лишь отчаянно дрожали отраженные в ней небо и деревья. Напарника не было... и не было... Стоящий на камнях первый жалобно заскулил, как брошенный щенок. Прыгать в воду? Искать? В речке, поглотившей его напарника? Только что мелкая и несерьезная, теперь она вызывала настоящий ужас. Вода забурлила снова, и из ее глубин медленно и торжественно восстал... ОН. Напарник. Облепленный тиной и водорослями настолько, что смахивал на утопленника. Первый шархнулся.

– Ты чего? – рявкнул напарник. – Здесь золото!

– Хорэ прикалываться! – яростно заорал первый, выплескивая в крике страх, и стыд за этот страх, и разочарование...

– Прикалываться? А н-нааа! – и с силой впечатал ладонь в ладонь приятеля.

Вода, песок и черные катышки ила стекали между пальцами, а первый смотрел – смотрел не отрываясь. В лучах заходящего солнца на его ладони блестели золотые монеты.

– Тут течение есть... – захлебываясь словами и отплеываясь тиной, бормотал стоящий в воде напарник. – Я за какой-то, типа, корень ухватился, а там, за ним, вроде маленькой пещерки, под берегом... Я оттолкнуться хотел... дно песчаное... А она блеснула... самым краешком... монета! Я воздуха набрал, снова нырнул, просто руками в той пещерке песок разгреб, а там! Вроде как бочонок, целенький, только крышка соскочила, а вокруг! До фига золота! – выдохнул он и от полноты чувств облапил склонившегося над водой товарища за плечи. – Слышишь, ты, чертов потомок, мы нашли! – И он с уханьем нырнул снова.

– Бочонок, – оставшись в одиночестве, успел пробормотать первый. – Всего один бочонок.

– Гляди! – выныривая из воды, восторженно завопил напарник – из сложенных пригоршнею ладоней сыпались монеты, разбивая речную гладь и пуская круги, а между пальцами свисал украшенный тусклыми камнями тяжелый крест. – Мы богаты!

– Это моего предка золото! – сквозь зубы процедил первый. Лопата черным росчерком мелькнула в сгущающихся сумерках. Напарник успел отпрянуть – острие лопаты чиркнуло по волосам, кровь мгновенно залила лицо. Кровь и золото из сложенных ладоней взметнулись вверх и осыпались в реку, а следом с шумом рухнул и человек.

– Держи, сыплутся! – с нелепым упреком завопил первый и кинулся в воду. Зашарил руками по дну, покрытому песком и островками топкого ила.

Сильные, привычные к лопате пальцы сомкнулись на его горле, тяжесть навалилась на плечи, вдавливая в дно. Первый ударил – попал, хватка на горле ослабла, он извернулся и вскочил.

На него кинулись сзади. Он ухватил противника за рубаху – затрещала ткань, – попытался кинуть через спину... не удержался, и оба рухнули в воду. Его прижали ко дну, словно обрамленное бурлящей рамкой, нависло лицо напарника – струйка крови сочилась из глубокого пореза и мгновенно расплывалась в воде. Они вцепились друг в друга. Захват! Рывок! Река бурлила. То одна, то другая облепленная мокрыми волосами голова поднималась над водой и снова уходила вниз – противников уже невозможно было различить. Подсечка, кто-то падает на колени, другой кидается на него, рык, брызги, беспорядочно бьющие по воде руки... Удар, взметнувшийся за кулаком веер брызг... Противник валится навзничь... успевая последним, отчаянным усилием вцепиться в своего врага, утаскивая его за собой. Вода вскипела, как в кастрюле на огне. Взбаламученная пена захлестнула валуны... И все стихло. По речной глади пошли круги... один, второй, третий... и ничего. Лишь волны.

Рука появилась из воды, зашарила по камням, попыталась ухватиться, пальцы сорвались, уцепились снова... и, тяжело дыша, на камни выбрался человек. Один. Перекатился на спину и замер, бессильно раскинув руки и запрокинув голову к бледной молодой луне. Только бескровные губы непрерывно шептали:

– Золото... Клад Косинского...

Глава 1

Шри-Ланка отменяется

Год спустя

– Да, Косинская, заказывали... Выходим! – На ходу запихивая мобилку в сумку, мама сбегала по лестнице. Мурка и Кисонька уже помогали таксисту заталкивать чемоданы в багажник. Еще одну сумку с косметикой, купальниками, ноутом, кремами для загара, от загара и, кажется, даже вместо загара пришлось сунуть на заднее сиденье.

– Поехали! – такси завершило почетный круг по двору, сумка придавила Мурку к дверце, машина выкатилась из арки и устремилась по проспекту к аэропорту.

– Господи, неужели отпуск! – почти простонала Марья Алексеевна. – Я так вымоталась за год.

– А уж мы-то как! – пробормотала Мурка и тут же торопливо добавила: – Экзамены... а еще работа в детективном агентстве «Белый гусь»: компьютерная преступность, похищение предметов искусства, банковские разборки...

– Вы хоть в Бердянске немножко отдохнули, – ревниво возразила Марья Алексеевна.

Девчонки дружно поперхнулись – в Бердянске они обезвреживали бомбы. Расслабляющее занятие.

– А я так вообще без передышки! – продолжала Марья Алексеевна. – Я от усталости уже лыка не вяжу. Вот дайте мне лыко – и я его не свяжу! – торжественно заверила она.

– Куда едем, если не секрет? – улыбнулся таксист.

– На Шри-Ланку! – восторженно выпалила мама. – Я в юности млела от «Свидания с Рамой» Артура Кларка. Там про храмы Шри-Ланки... Я даже не думала, что увижу это сама! – Мама счастливо зажмурилась. – Все-таки наше время дает столько возможностей!

– Мы тоже недели через две с женой поедem, – покивал таксист. – В Болгарию. В «АвиаМире» билеты недорогие.

– Мы тоже «АвиаМиром», – засмеялась мама. – У них скидка была. Мне нравится, что улетаю из нашего аэропорта, никуда тащиться не надо.

– И мне нравится, – пробормотала Кисонька. – А еще больше: ванна с гидромассажем и buffet-style breakfast²! Экскурсии на автобусе с кондиционером, чтоб привезли, увезли, а самой пальцем не шевелить!

Мурка кивнула. При всем внешнем сходстве – близнецы ведь! – характером рыжие сестрички были не очень схожи. Кисонька любила брендовую одежду, обувь, сумочки, стильные кафе... и ката с оружием, сделавшие ее кандидатом в мастера спорта. Еще можно сказать, что Кисоньке нравились мальчики, но это было бы неправдой – на самом деле мальчикам нравилась Кисонька, а сама рыжая принимала сей факт с равнодушной небрежностью. Мурке на мальчиков было плевать: она терпеть не могла по два часа ковырять одну порцию мороженого в кафе или весь вечер таскаться под ручку на продуваемой всеми ветрами набережной. Набережную надо пробежать быстро, мороженое съесть на ходу и скорее попасть на тренировку – чемпионкой Европы по рукопашному бою Мурка уже была и собиралась стать чемпионкой мира. Исключение делалось только для шефа агентства и компьютерного гения Вадьки Тихонова: с ним Мурка готова была и в кафе, и на набережную, но лучше – вместе вести расследования, сражаясь то с похитителями древностей, то с террористами. Но сейчас даже Мурка устала, ей тоже хотелось комфорта, моллюсков с лобстерами,

² У нас это называется «шведский стол».

лунной дорожки над океаном... Сестры глядели друг на друга и улыбались – они предвкушали.

Такси остановилось возле аэропорта.

– Хорошего вам отдыха! – Водитель выгрузил багаж, и машина отъехала. Нетерпеливая мама ухватила сумку и, звонко цокая каблуками, ринулась к раздвижным дверям. Обремененные чемоданами, близняшки замешкались. У входа в аэропорт на чемоданах сидели молодые женщины – с одной стороны и с другой, как каменные львы у подъезда старинного особняка. Только вот львы не рыдают в три ручья, синхронно всхлипывая и утираясь подолами ярких рубашек «отпускного» вида. Сестры замешкались, переводя взгляд с одной чемоданной сиделицы на другую – те, словно сговорившись, распечатали бумажные платки и теперь в унисон сморкались, распугивая воробьев с клумбы. Окутанная грезами о Шри-Ланке, мама вихрем пронеслась мимо, помахала девчонкам:

– Ну что вы там застряли, скорее! – и исчезла в здании аэропорта.

– Не хочу проблем, – Кисонька угрюмо покатила чемодан мимо рыдающих теток. – Ничьих...

– А придется, – пересекая порог, мрачно заверила ее Мурка. В аэропорту было жарко. В первый момент казалось, что сломался кондиционер, таким тяжелым и горячим был воздух. А еще в аэропорту стоял ор!

– Не имеете права! В суд на вас! Немедленно верните!

Народ клубился по залу, собирался парами и группками, размахивая руками и яростно что-то доказывая друг другу, сидел на ступеньках лестниц, курил, не обращая внимания на таблички «Курение запрещено», а обычно лютые уборщицы жались по углам и только настороженно поблескивали глазами из-за швабр. Самая большая толпа и самые злобные, полные ненависти крики неслись со стороны офисов авиакомпаний, хотя какое окошко осаждают, не было видно за плотно сомкнувшимися спинами. Мама бочком-бочком двинулась мимо толпы к терминалу:

– Что это тут творится... Непонятно... Улетим и даже не узнаем...

Близняшки мрачно НЕ переглянулись. В них росла уверенность, что узнают, причем прямо сейчас. Мама подрулила сумку ко входу в терминал... На терминале их рейс не «висел». Мама оглянулась на царящее над аэропортом табло – там рейса тоже не было. На табло вообще было подозрительно мало рейсов.

– Простите, у нас сейчас рейс... Должен быть... – она повернулась к караулящей терминал женщине.

Женщина поглядела на маму со строгой печалью и философски вздохнула:

– Он решил остаться должником. Боюсь, вам туда! – она указала в самую глубину толпы.

Мама с ужасом поглядела на столпотворение:

– Я не хочу туда! Я хочу сюда! – и сделала шаг к терминалу, за которым виднелась лента транспортера и будочка таможни.

Женщина с сумрачно-героическим лицом шагнула навстречу, перекрывая маме дорогу.

– Я тоже, безусловно, хочу, чтоб вы прошли именно сюда, – проникновенно сказала она. – Хотя бы потому, что тогда вы не возьмете свою сумку и не дадите мне ею по голове.

– Почему я должна давать вам сумкой по голове? – Взгляд у мамы расфокусировался, кажется, ей стало откровенно нехорошо.

– Потому что урны охрана только что убрала, – с той же строгой печалью сказала женщина.

Мурка и Кисонька оглядели вмятину в пластиковой перегородке терминала, которая вполне могла получиться, если вlepешить в нее пластиковую же урну. В причёске женщины

тоже обнаружился характерный беспорядок – вряд ли окурок и кусок банановой кожуры присутствовали там изначально, в качестве trash design.

– Но вам все равно придется пройти туда! – женщина с решимостью мученицы скрестила руки на груди.

– Скажите хоть, что происходит! – взмолилась мама.

В лице женщины что-то на мгновение дрогнуло, она даже открыла рот... покосилась на здоровенные чемоданы рядом с сестрами... и как лошадь затрясла головой:

– Туда-туда, с меня урны хватит...

Мама сделала шаг, второй и оказалась в тылу толпы – там человеческая масса была более разреженной, чем в эпицентре, люди не орали, а только коротко вскрикивали и подпрыгивали, надеясь разглядеть, что творится впереди.

– Простите... – хватая за рукав то одного, то другого, лепетала мама. – Кто-нибудь может мне объяснить...

Но люди все вскрикивали и подпрыгивали, не обращая внимания на теребящую их маму. Лицо мамы вдруг стало твердым и ожесточенным... она сунула два пальца в рот и свистнула так пронзительно, что задребезжали стекла, а охранники принялись судорожно хвататься за рации. На зал ожидания пала тишина – и все лица, как подсолнухи к солнцу, начали обращаться к маме.

– Что здесь происходит?

– О, новенькая! Шустрая, – наконец сказал сивоусый мужик, похожий на оживший шкаф. – Люди, а пропустите-ка шуструю новенькую, так сказать, к источнику информации!

На лицах окружающих появилось странное выражение, напоминающее грустное злорадство, и толпа начала распадаться на две части, пропуская маму к окошку в прозрачной стене. Нервно оглядываясь, точно боясь, что эти странные люди на нее кинутся, мама пошла к окошку – Мурка и Кисонька потащились за ней.

– Если что – первую волну атаки и вправду можно сбивать чемоданами, – уголком рта процедила Мурка.

Почему в кассах и справочных окошки расположены так, что увидеть прячущегося за ними человека можно только с извилистым прогибом спины?

– Простите, но я должна лететь на Шри-Ланку, а женщина на терминале сказала обратиться к вам...

Девушка в форме нажала кнопку, и механически-скрипучий голос селектора выдал:

– Рейс отменен, компания «АвиаМир» приносит извинения за неудобства.

Толпа разразилась злорадным уханьем.

– А когда следующий?

– Все рейсы отменены... в связи с банкротством компании, еще раз приносим извинения.

Мама морщилась, стараясь расслышать ответ сквозь бушующий вокруг издевательский хохот. Постояла, осмысливая информацию – лицо у нее стало... перевернутым, то есть вроде бы лоб и подбородок не менялись местами, но впечатление было именно такое. Но она все еще не сдавалась:

– Тогда посадите нас...

– ...на рейс любой другой авиакомпании! – вдруг вразнобой проскандировали в толпе и снова злобно захохотали.

– В связи с банкротством компания лишена возможности осуществить replacement, извините. – Девушка приносила извинения так часто, что ей бы их отпечатать и раздавать как рекламные буклеты.

– Тогда... – набрала полную грудь воздуха мама.

– ...верните нам деньги! – уже слаженно и четко проскандировала толпа.

Девушка за окошком съежилась, точно боялась, что будут бить, но мужественно прижала кнопку селектора:

– Мы внесем вас в очередь наших кредиторов. Ход продвижения вашего дела...

– ...смотрите на нашем сайте! – толпа окончательно скричалась и теперь выдавала фразы единым голосом.

– Если его не отключат – модератору тоже платить надо, а все бабки уже в Швейцарии, у хозяина вашего! – раздался одинокий выкрик.

– ...Спасибо, что воспользовались услугами нашей авиакомпании! – пискнула в селектор девушка.

Мама выпрямилась и оглядела толпящихся вокруг людей:

– Ну и что я теперь должна делать – раз уж вы тут до такой степени все знаете?

Сивоусый мужик с интересом поглядел на нее:

– Тут имеется разнообразие в подходах: кто ревет, кто в драку лезет, кто ругается.

– Драться и ругаться я, безусловно, не буду, – сдержанно сказала мама, подумала... – А впрочем, извините, буду! Немедленно верните деньги! – и она врезала кулачком по плексигласовой стене. – Я на вас в суд подам!

Видимо, мамин вопль стал для несчастной девушки последней каплей. Слезы брызнули у нее из глаз как у клоуна в цирке – с разлетом, забрызгивая прозрачную стенку – она навалилась на кнопку всем телом и завопила в ответ:

– Нашли чем пугать – меня, ха! За два месяца зарплату не дали, и не дадут, а детей у меня тоже двое, муж-летчик в Тайване арестован вместе с самолетом, у него даже на еду денег нет! Слушаю от вас это все, а сама без работы осталась! Куда я теперь, а муж – кто ему обратный перелет оплатит... – и, закрыв лицо руками, она громко и некрасиво зарыдала.

– Да... – негромко сказала мама. Отошла от окошка... вернулась... и сунула в щель свою визитку. – Ничего не обещаю, но сходите вот сюда. Скажете в отделе кадров, что от меня, может, у них найдется что-то...

Девушка подняла залитое слезами лицо, икнула и пробормотала:

– Вы... первая, кто... Я... попробую... – и стиснула визитку в кулаке, как гранату. – Спасибо, что обратились в нашу... Ой, просто спасибо!

– Пойдемте домой, девочки. Шри-Ланка отменяется. – И мама устало потащилась к выходу.

Глава 2

Активный отдых для неленивых и любопытных!

– Мы не сможем купить билеты еще раз. – Мама откинулась на спинку сиденья и безнадежно поглядела на близняшек. Обратно их вез другой таксист. Интересно, тот, первый, уже знает, что поездка в Болгарию отменяется?

– Деньги не вернут? – хмуро глядя на затуманенную смогом зелень родного города, спросила Кисонька.

Мама пошевелила мобилкой – полдороги она просидела, не отрываясь от Интернета. Девчонкам тоже хотелось влезть в Сеть, но они были уверены: стоит им прикоснуться к мобилкам – немедленно последует скандал. Логического объяснения этому не было, но долгий опыт общения с родителями говорил: мобилки и ноуты в момент семейного кризиса не приветствуются.

– Все самолеты арестованы, хозяин свалил. Никто не сомневается, что он сам обанкротил свою компанию, но доказать не удастся. От отеля тоже придется отказаться, вопрос, вернут ли нам хоть часть предоплаты, – мама смущенно поглядела на девчонок. – У папы сейчас финансовые трудности.

– У него снова пытались отжать бизнес, – кивнула Мурка. – На этот раз наши местные.

– Вы знаете? – всполошилась мама.

Губы сестер скривили одинаково мрачно-сардонические усмешки. Они даже знали, где мама прячет крем от морщин, чтоб папа не видел, как она им пользуется, а это был секрет более охраняемый, чем код доступа к ядерному оружию. Такси въехало в их дворик, все трое мрачно выбрались, и таксист принялся выгружать чемоданы.

– Господи, всего два часа назад мы отсюда уезжали – такие счастливые! – прошептала мама, и в ее голосе дрожали слезы.

– Машенька, голубушка! – раздался топот не топот, а некое неопределенное «козление», словно пытались одновременно и бежать и не бежать, сохраняя достоинство. – Извините, ради бога, моя дорогая! – соседка Греза Павловна нервно куталась в шифоновый палантин, чтобы прикрыть футболку с коротким рукавом, которую считала одеждой исключительно домашней. – Простите, что я так вот неприлично на вас набросилась прямо на улице... но я просто не в состоянии терпеть! Это правда? Вы должны были улететь с «Авиа-Миром» – и вот вы возвращаетесь? Неужели действительно?

– Да, Греза Павловна. Полное банкротство, никто никуда не летит.

– Но мы с Нюрочкой собирались в Париж! – Греза Павловна топнула по асфальту остроносой домашней туфелькой.

– Говорила я вам, тетя, не стоит! Мне и так стыдно, что вы за меня заплатили, а теперь еще оба билета пропали, – расстроено сказала стоящая у Грезы Павловны за спиной молодая женщина.

– Пусть будет стыдно тем, из-за кого мы не летим! От этих волнений я совсем потеряла представление о приличиях! – Греза Павловна покачала тщательно уложенными седыми кудряшками. – Я даже вас не представила! Машенька, это моя племянница Нюрочка из Омска!

Близняшки с любопытством уставились на Нюрочку. Разговор о приезде племянницы Греза Павловна завела еще в ту пору, когда начинающие детективы «Белого гуся» вернули старушке деньги от продажи коллекции старинной мебели на аукционе «Сотбис». Приезд все откладывался: племянницу смущали новоявленные богатства тетушки. «Ах, что мне стоило притвориться бедной старушкой – она бы уже приехала!» – восклицала Греза Павловна. И вот наконец Нюрочка действительно приехала.

«Мышь серая, библиотечная», – решила Кисонька, разглядывая женщину в строгой юбке и блузке. В руках племянница сжимала плотную вязаную шаль, которую не знала куда девать – от раскаленного асфальта веяло жаром. Волосы, тоже неопределенного серого цвета, были скручены в «дульку», и выбившиеся пряди липли к шее. Худая, без косметики, лет тридцати... никакая!

– Лучше б мы тоже с нашим папой в Сибирь поехали, – хмыкнула мама.

– Машенька, вы же не декабристка! Вас с девочками на эти секретные военные объекты и не пустили бы.

– Вы знаете? – сегодня для мамы был день сюрпризов.

– Что ваш супруг заключил контракт с российским военным ведомством и теперь опробует какие-то там прототипы на базах? Душа моя, об этом знает весь двор!

– Может, уйдем со двора? – мама нервно оглядела засаженный цветами дворик. Особое подозрение у нее вызвала песочница, хотя сейчас там никто не сидел.

Мурка и Кисонька уже волокли чемоданы к лифту.

– Мы все равно полетим! Будем пить кофе с круассанами на Елисейских Полях, опустошим бутики Шанель... – Греза Павловна мерила шагами кухню Косинских, благо размеры позволяли. – Надо немедленно посмотреть в Интернете, какие есть билеты...

– Лето, тетя, если билеты и есть, то только бизнес-класса.

– И все равно, все равно! Какие-то там банкротства не смеют нарушать наши планы.

– Мне не все равно, – остановила ее племянница. – Я себе билет бизнес-класса позволить не могу, тем более я не могу позволить, чтоб вы и дальше за меня платили. Да и бутики «Шанель» мне не по карману. Я очень вам благодарна, но это исключено, тетя. – Она говорила очень спокойно, очень хладнокровно, не улыбалась жалкой улыбочкой, сознавая, что не может летать бизнес-классом и скупать чемоданами шмотки от кутюр. Мурка с Кисонькой поглядели на племянницу из Омска с интересом.

– Милая, но мои деньги в конце концов достанутся тебе! Почему бы не получать от них удовольствие прямо сейчас? Увидеть Париж – и умереть, – закатила глаза Греза Павловна.

– Тем более я не могу ехать, тетя, а то получится покушение на вашу жизнь ради наследства, – серьезно объявила племянница.

Близняшки хихикнули: а не такая уж она и Нюрочка, эта племянница!

– Торчать в раскаленном городе глупо. И папы не будет еще две недели! На Крым нам денег хватит, поедем машиной, найдем хорошенький мини-отель, будем валяться на пляже, есть персики. И багаж перепаковывать не надо.

Мамин мобильник зазвонил. Она выслушала сообщение с каменным лицом, прикрыла трубку ладонью... и беспомощно поглядела на девчонок:

– Это дядя Денис...

– Майор Владимиров? – переспросила Мурка. Мама кивнула:

– Они с женой были неделю в Турции, потратили все до копейки, сейчас сидят в аэропорту Стамбула... с обратными билетами «АвиаМира». Они потом отдадут, – то ли девчонкам, то ли Грезе Павловне пояснила мама. – Только...

– ...лето уже кончится. Даже без Крыма, – заключила Мурка, и они с сестрой поднялись. – Конечно, переводы им деньги, не могут же они там жить! А мы вещи разложим. – И поволокли чемоданы прочь из кухни.

Ближайшей была комната Кисоньки, близняшки дружно ввалились туда, швырнули багаж на пол и плюхнулись на кровать. Делано бодрые улыбочки еще мгновение повисели на губах, потом медленно стекли с уголков. Кисонька совсем не аристократически шмыгнула носом.

– Хотелось на Шри-Ланку, да? – мрачно переспросила Мурка. Кисонька убито кивнула. – Мне тоже. Это все Севка виноват. Он у нас финансовый гений – вот и выяснил бы, что «АвиаМир» собирается обанкротиться, мы бы билеты вовремя сдали!

– Аферист он финансовый, – вытирая глаза, пробурчала Кисонька.

– Тем более должен был эту аферу вычислить! А теперь ему даже претензий не выскажешь.

В ближайшую неделю добраться до Севки, главного финансиста агентства, и впрямь не было никакой возможности. Сева в очередной раз пытался наладить отношения с отцом, и они всей семьей, включая двух младших Севкиных братьев, уплыли по протокам на байдарках. К летнему лодочному походу все Севкино семейство относилось благоговейно: это было единственное время, когда их потерявшийся под напором жизни отец снова становился главой семьи, самым умным и сильным папой. Мобильник Севка в походы не брал: его папа и без того тяжело переносил, что их семью содержит не он, а сын, и Севкины бизнес-разговоры неизбежно разрушали хрупкое согласие.

– Зато он единственный, кому не надо скрывать, что зарабатывает! – Кисонька стукнула кулаком по подушке. Работа в «Белом гусе» давала достаточно денег, чтоб вместе с мамой поехать хотя бы в Крым. Но как объяснить, откуда деньги взялись?

– Вадька уехал в этот свой математический лагерь для победителей олимпиад, и Катьку их мама туда за компанию пропихнула, – вздохнула Мурка. Они даже работать не могли, из всех компаньонов «Белого гуся» в городе, под присмотром Вадьиной/Каткиной мамы Надежды Петровны, остался только символ агентства – боевой белый гусь Евлампий Харлампиевич. Даже Саям, двухметровый бородач, в промежутках между поеданием любимой колбасы саями делавший вид, что это он хозяин «Белого гуся», умотал в горы.

– Вот вернемся первого сентября в школу... «Где были летом?» – сама себя спросила Кисонька. И сама себе мрачно ответила: – «В Интернете! У нас дома самый лучший Wi-Fi!» – и зашипела сквозь зубы, представив себя на фоне загорелых одноклассниц, одаривающих друг друга магнитиками.

Словно задавшись целью немедленно реализовать ее слова, Мурка воткнула в розетку Кисонькин комп и щелкнула кнопкой:

– Хочу посмотреть, что про это банкротство говорят. Ну и Вадьке пожалуйюсь, хотя он, наверное, сейчас не в Сети.

– Жаловаться своему парню иди на свой комп. – Кисоньке тоже хотелось посмотреть, что говорят, и тоже пожаловаться – их загадочному английскому компаньону Большому Боссу.

Ох, Большой Босс – это отдельная проблема! С самого начала, с первого дня существования агентства англичанин оставался тайной для остальных компаньонов. Они не видели его лица, не слышали его голоса – только неизменный ник и постоянно меняющиеся адреса электронной почты. Примерно раз в полгода Вадьку разбирало зло на неуловимого англичанина, и он начинал запускать программы-трояны, рассчитывая узнать хоть что-то о шестом совладельце агентства. В ответ каждый раз получал кадр из третьей «Матрицы» с разлетающимися в клочья клонами агента Смита. А месяц назад оказалось: чтобы вытянуть Большого Босса из его убежища, не нужно быть суперхакером. Достаточно всего лишь, рискуя жизнью, остаться в заминированном аквапарке Бердянска, чтобы потом упоенно прижимать мобилку к уху, слушая, как орет на нее насмерть перепуганный Большой Босс. Этот день изменил все, с этого дня их отношения сдвинулись с мертвой точки...

Ага, как же! Это Кисонька так думала, а сам Большой Босс решил иначе. Сперва он просто прервал всякое общение, так что остальные компаньоны замучили Кисоньку подозрительными взглядами и вопросом: «Что ты ему такое сказала?» Кисонька попыталась даже позвонить по номеру, бережно сохраненному в ее мобилке с того безумного, жуткого, но

и счастливого дня. И чуть не расколотила телефон об стенку от разочарования – номера больше не существовало. Хорошо хоть никто не видел, как она звонила!

Наконец Большой Босс снова вышел на связь... вроде как ни в чем не бывало: обменивался с Вадькой непонятными компьютерными шуточками, болтал с Муркой, был приветлив с Катькой и терпелив с путающим английские слова Севой, но стоило у компа оказаться Кисоньке, как его письма становились холодно-деловитыми. Такого просто быть не могло! В конце концов, она встречалась с целой кучей парней: она не могла ошибиться! Большой Босс чуть с ума не сошел, когда она оказалась в опасности, он был готов полмира на уши поставить, только бы с ней ничего не случилось! И он не мог, не имел права делать вид, что ничего не было! Он издевается, что ли? Нет, все, последний шанс! Кисонька написала Боссу, что они едут на Шри-Ланку. И отель назвала. Он англичанин, сложностей с поездкой у него быть не может, деньги тоже есть, они их вместе зарабатывали. Если она ему нужна – приедет. И пусть не только она не знает Босса в лицо, но и он ее никогда не видел и понятия не имеет, что ей нет еще шестнадцати, – все равно! Они найдут, увидят, почувствуют друг друга... ну уж она-то точно засечет англичанина, который станет разыскивать по отелю русскую девушку! А если не станет... Тогда она будет знать, что он и правда старый дед, как считает Сева, или компьютерный разум, как думает Катька.

И весь ее хитроумный план накрылся самолетным банкротством! Кисонька всхлинула. Ну, по крайней мере, она может написать ему сейчас: что пролетела *мимо* Шри-Ланки, вместо того чтоб лететь *на* нее. Большой Босс пожалеет, скажет что-нибудь приятное в утешение. Или не скажет. Ну почему у парней, которые совершенно не нужны, всегда есть для нее и приятные слова, и милые подарочки, и даже приглашение куда-нибудь в интересное место! А единственный парень, который нужен... Так даже не знаешь точно, парень ли он!

– Ну и пойду, – усмехнулась Мурка, зная, что сейчас творится в голове у сестры. Счастливая она, ее Вадька всегда с ней! Ну, кроме того времени, когда он в математическом лагере. – У тебя тут все равно непонятно что... О, а что это у тебя?

Браузер открылся на страничке чата.

– Косинские, Косинские... – Мурка скользила глазами по строчкам. – Это что, все про нас?

– Где? А, это... Да, я недавно подписалась. Все-таки наш предок – историческая личность, предводитель казацкого восстания Кшиштоф Косинский, – в голосе Кисоньки звучала гордость.

– Аж целых пол-абзаца в учебнике истории, – хмыкнула Мурка.

– Тебе мало? У кого из наших одноклассников вообще есть предки из учебника истории?

– Слушай, а они и сейчас что-то про нас пишут! – удивленно, будто обнаружила разумную жизнь в муравейнике, глядела на экран Мурка.

– Не про нас, а про самих себя. У Кшиштофа Косинского было трое сыновей, в этом чате все сплошные потомки. Во всяком случае, они так говорят, – скептически добавила Кисонька, отслеживая глазами появляющиеся строчки. – Ну ерунду же говорят! – возмутилась она.

«Род Косинских идет с XVI века, когда Ленарт, дед Кшиштофа, получил от польского короля Сигизмунда I (если кто не помнит или не знает, наши земли тогда входили в Польшу) имение на Подляшье...» – писал кто-то под ником «синус-косинус».

Пальцы Кисоньки гневно побежали по клавишам:

«В списках войска литовского (а если кто не помнит или не знает, до Польши наши земли входили в состав Великого княжества Литовского! – ехидно добавила она) дважды упоминалась фамилия Косинских, без имени. Только эти безымянные Косинские поставляли

в войско всего четырех всадников, а Ленарт – пятнадцать, значит, те Косинские были мелкой шляхтой, а Ленарт выбился в крупную».

«Рыжая вернулась! А то я заскучал – никто на меня не наезжает! – возрадовался «синус-косинус». – Ты ж на Шри-Ланку собиралась?»

«Не долетела», – мрачно отстучала Кисонька.

«А как вообще лях, в смысле поляк, мог возглавить казацкое восстание? Казаки с ляхами вроде не особо...» – поинтересовался только зарегистрившийся новичок с неопределенным набором цифр вместо нормального ника.

«Точных сведений нет, но возможно, он был из польских командиров, которых Сигизмунд III хотел поставить казакам, чтоб те прекратили ходить в несанкционированные походы на татар и портить международные отношения», – пояснила Кисонька.

«А предок с казаками сговорился? Я-асно...» – понял новенький.

«Косинский – национальный герой! – возмущенно влез некто мрачный. – В 1591 г. он начал освободительную войну: за волю казацкую, за веру православную, против поганых ляхов, что хотели поработить наших людей и земли, их ксендзов и костелы!»

«Только почему-то провоевал он все три года против другого национального героя – князя Константина (Василия) Острожского, столпа воли и веры православной в католической Польше, последнего украинского, или, если по-тогдашнему выражаться, «руського», князя Речи Посполитой, опекуна казаков, создателя православных школ и т. д. и т. п. Разорял имения подвластной князю шляхты на Волыни. Разорять по тому времени не значило имущество вынести: там в живых никого не оставалось, включая дворовых псов. На Киевщине города жег – Переяслав и даже Киев, где князь был воеводой, и грозил всех Острожских перебить», – немедленно откликнулся «синус-косинус».

«И за что ж он так взъелся?» – снова заинтересовался новенький.

«За святое, за бабло», – меланхолично откликнулся «синус-косинус». – «Острожский был магнат, олигарх, короче. Его сынок Януш устроил рейдерский захват, отжал у Косинского полученное от короля в награду имение Рокитное. А польское правительство в то время, типа, имело задолженности по зарплатам перед казаками, ну вот они все вместе и двинулись за компенсацией».

«Косинский устанавливал казацкие суды вместо княжеских и приводил население к присяге, т. е. он первый начал создавать казацкую державу!» – опять возмутился мрачный.

«Правильно: кто присягал, должны платить налоги ему, а не Острожскому. Опять-таки бабло».

– Все прям как сейчас, ничего с веками не изменилось, – грустно хмыкнула Мурка.

– Ну да, наши бюджетники тоже вскакивают на коней и гонят в киевскую Конче-Заспу грабить дачки олигархов, – засмеялась Кисонька.

– Не зна-аю, нашу математичку, врывающуюся с «калашом» в Верховную Раду, я так запросто представляю, – протянула Мурка.

«Ну так а я о чем! – в чат ворвался новый собеседник. – Мой вчерашний пост хоть кто-нибудь видел? Эй, потомки, неужели никому не интересно поискать сокровища великого предка?» И ниже шло повторение поста:

«Активный отдых для неленивых и любопытных!

Куда исчезла громадная добыча, взятая восставшими казаками в Волинском и Киевском воеводствах? Всех желающих принять участие в поисках пропавшего клада приглашаем под Острополь, к развалинам древнего замка, где в 1592 г. стояли табором казаки Кшиштофа Косинского.

Поиск клада под руководством профессиональных копачей-кладоискателей, имеется все необходимое оборудование (металлоискатели, лопатки, ножи, лотки для промывки находок, мангал)...»

– Особенно мангал для поисков клада вещь нужная, – пробормотала Мурка.

«Вымирающая деревня – успеете посмотреть, пока совсем не вымерла!

Проживание в условиях относительного комфорта – комнаты для районных инспекторов при бывшем сельсовете, имеется душ. Настоящая украинская кухня, лес, речка, свежий воздух – искать клад интереснее, чем собирать грибы! Для регистрирующихся через чат потомков Косинского 20 % скидка!»

– Грибы вообще-то совсем бесплатно плюс, в отличие от клада, их точно найдешь! – засмеялась Мурка.

– А мы летом искали сокровища нашего предка Кшиштофа Косинского. Который в учебнике истории, – размеренно произнесла Кисонька, словно примериваясь к будущим разговорам с одноклассниками.

– Кто ты и куда дела мою сестру? Хочешь жить «в условиях относительного комфорта»?

– Значит, судьба наша этим летом такая, – отрезала Кисонька. – Посмотри на цену! Мы даже сможем сами заплатить – скажем, что у нас от подарков на день рождения осталось! – и, не дожидаясь решения призадумавшейся Мурки, Кисонька сорвалась на кухню с криком:

– Мы едем на Волынь искать клад!

– Только сумки все равно перепаковать придется, – добавила возникшая у нее за спиной Мурка. – Парео и вечерние платья там вряд ли пригодятся.

Племянница Нюрочка вдруг смущенно поглядела на девчонок:

– А знаете... Если, конечно, мы вам не помешаем... я бы тоже поехала. А то здесь такая жара... будто меня варят, – она смущенно улыбнулась. – А вы, тетя?

Глава 3

Катькины кошмары

– Дщерь непокорная, поевшая варенье матерю своей, будет ввергнута в геенну огненную! – Куцекрылый черт подхватил Катерину вилами и швырнул в кипящий чан. Над котлом клубился душный пар, а вокруг, покачиваясь в сладком сиропе, варились темно-багряные вишни, и сама Катерина варилась, варилась...

– Дзинь-дилинь-дилинь! – чан с вареньем растаял. Дзинь-дилинь! – Катерина обеими руками обняла подушку, но сон уже свалился с нее вместе с упавшим на пол старым тяткиным тулупом. Хата аж содрогнулась, точно вдалеке пушка бухнула. Катерина села на лавке и с сомнением поглядела на вставший стоймя тулуп, будто спрашивая, не он ли так бабахнул. Тулуп гордо молчал.

– Снова они меня накрыли! Лето на дворе, а у них одно на уме: «цоб дзецько³ не змёрзло!»! – передразнила она, отклеивая от груди насквозь мокрую рубаху, и подула себе за пазуху, охлаждая липкую кожу. – Вареное дзецько им больше нравится. Будто я яйцо!

Перекрестилась на украшенные рушником образа (вышитые на рушнике алые петухи смахивали на вареных жаб и висели здесь, чтоб Катерине было стыдно). На сундуке лежала свернутая перина – мама уже встала. Катерина свалила тулуп сверху и распахнула нарядные зеленые ставни. В горницу ворвался прохладный, еще ночной ветерок.

Дзинь-дилинь! – сквозь предрассветную тьму проступил крутой лоб, увенчанный рогами, мягкие черные ноздри, и пестрый коровий бок медленно проплыл вдоль окошка. Корова величественно выступила сквозь распахнутые ворота садыбы⁴, присоединяясь к цеховому стаду. Пастух щелкнул кнутом, погоняя стадо по утоптанной ногами и копытами улице к городскому лужку за Подолом. Лужок давеча потоптал на охоте пан каштелян киевского замка⁵. Весь город знал, что он это нарочно – вытопчет пастбище, а потом и купит за бесценку у магистрата. И куда цеховым с коровами? Корова не курица, из рук не выкормишь, вот и придется продавать кормилиц, а молоко от замка покупать.

– У-у, разбойники! – зло бросила Катерина и перетянула рубаху узорчатым пояском с такой силой, будто не сама подпоясывалась, а затягивала веревку на шее каштеляна.

Заплетая косу, она задумчиво разглядывала торчащую из-за печки не слишком чистую пятку:

– Вот и не хочется вовсе, а что ж, так его и оставить?

Высунулась в окошко и, сорвав травинку, приступила к пятке с самым зверским выражением лица.

– Дмитро-шмарогуз, на печке загруз, несите лопату – Дмитра вытягаты! – вода травинкой по пятке, засмеялась Катерина. Пятка брыкнула, целясь девчонке в нос, Катерина предусмотрительно отскочила. Раздался звучный зевок, и, выставив попу, с примиста⁶ вылез всклокоченный, будто им трубу прочищали, брат.

– Спать хочу... – он попытался протереть глаза, не открывая их.

– Знамо хочешь – полночи железяками гремел, – сдвинула брови Катерина. – А стража заметит, что у нас ночью огонь жгут, пожара не берегутся, да штраф с мамки стянет?

³ Дзецько – дитятко.

⁴ Садыба – усадьба. В том числе и небольшие городские усадьбы, включающие жилой дом, хозяйственные и некоторое количество пригодной для содержания в городе живности.

⁵ Каштелян – знатный шляхтич, управитель замка, поставленный королем или князем-воеводой.

⁶ Примист – полка между печью и стеной, днем используется для хозяйственных нужд, а ночью как спальное место.

– Чтоб ты понимала еще! – обиженно пробубнил брат. – То ж немецкий пистоль! Сам пан цехмейстер⁷ разобраться велел, что в нем за хитрость. Да я и ставни закрыл, – явно довольный своей предусмотрительностью, добавил он.

– Вижу я, как ты с пистолем разобрался, – Катерина кивнула на раскиданные по длинному дощатому столу Дмитровы инструменты вперемешку с накладками рукояти, палочками, колесиками, с вечера еще бывшими хитрым немецким пистолем. – Прибирай свои железяки, мамка придет, завтракать будем!

Все так же не открывая глаз, Дмитро принялся складывать разобранный пистоль в тряпицу. Бухнула крышка подпола – старая литвинка Рузя, жившая в семье вдовой сотничихи так давно, что никто уж и не помнил, родня она или наймичка, унесла вниз крынку снятого молока, на сыр. Из сеней вошла мама с кувшином молока. Катерина прижалась лбом к ее плечу и снова метнулась к столу – нарезать толстыми ломтями вчера выпеченный хлеб. Мама тихо рассмеялась, поставила кувшин, ухватила так и замершего с закрытыми глазами и тряпицей железяк в руке Дмитра и усадила к столу.

– Спаси Христос, благословение сему дому и всем его обита-а-ателям! – протянул густой бас, и новопришедший размашисто перекрестился на образа.

– Да ладно вам, пан дьяк, в церкви петь будете, а пока прошу к столу!

– Благодарствую, пани Надия. – Молодой дьяк жил по соседству, но столовался в семье вдовой сотничихи, за что обучал грамоте и счету сперва Дмитра, а теперь и Катерину. Он степенно уселся за стол, наскоро пробормотал молитву. – Ну, благословясь! – и, придерживая бороду ладонью, отхлебнул из кружки жирного молока, заедая толстым ломтем хлеба.

– Что слышать на Киеве, пан дьяк? – спросила Рузя, будто тот явился не из мазанки, притулившейся у самого плетня садыбы, а по меньшей мере с другого конца города. – Под замком бухало что-то, да потом стихло.

– Спокойно все, пани Рузя! – наскоро дожевывая хлеб, пробормотал дьяк.

– Боязно, пан, бо ци лотры⁸ -казаки уже и Фастов взяли, и Белу Церкву, и Переяслав!

– Не лотры, а славные лыцари Войска Запорожского! – звенящим от негодования голосом отчеканила Катерина. – Как наш тато!

– От услышал бы твой тато, как ты в разговоры взрослых встречаешь, отходил бы недоуздком так, что и сесть бы не смогла! – строго оборвала ее Рузя. – Покойный пан сотник, Царствие ему Небесное, православный казак был! Он бы на землях милостивца нашего, князя Острожского, озоровать не стал! Слыхали, что казаки творили в Переяславе? Хуже татарвы, Езус-Мария-Иосиф! – И обратившись к православным образам, старая Рузя перекрестилась по-католически, слева направо.

– То все ляшские выдумки, чтобы панов казаков да самого пана гетмана Косинского оклеветать! Милостивец ваш князь, хоть и воевода киевский, а на Киев и глаз не кажет! А верхивщину дай, сош плати, подымное давай, жениться и то гроши давай!

– Чего то тебя волнует? Мала ты еще замуж! – притворно всплеснула руками Рузя.

– Известно, как по делу сказать нечего, так сразу – мала! А кто плакал в голос, когда серебщину⁹ отдавали – а замок так и не достроили! – голос Катерины исполнился бесконечного ехидства. – Дмитро от зброярив¹⁰ на строительство ходил – и чего? В покоях пани каштелянши на окна фигурные решетки ставил! Ох уж те решетки защитят, ежели пан гетман Косинский, дай-то бог, порешит Киев взять. И трудиться шибко не придется!

⁷ Цейхмейстер – глава цеха, объединяющего ремесленников одной «профессии».

⁸ Лотры – разбойники.

⁹ Верховщина – подать от самого города, сош – налог на каждого жителя города, подымное – налог от «дыма», т. е. с жилого дома, серебщина – военный налог.

¹⁰ Зброяри – цех оружейников.

– Та шоб тобі язык колом, глупе дзецько! Только того ляшского гетмана, сына диаволова, нам тут и не хватало!

– Он не ляшский! – Обвинение в принадлежности пана Косинского к ляхам возмутило Катерину сильнее, чем родство с врагом рода человеческого. – Он за волю! А ваш пан князь что доброго сделал? Земли только собирал – да побольше, побольше! А сынок его, Януш, вовсе чужое отбирать повадился, вот как у пана гетмана Косинского отобрал!

– Ничего, по городам твой ляшский гетман больше нагребил! А кто Киев вольным городом учинил? Князь Константин! Кем это самое немецкое право нам дано? Магдино... магдово...

– Магдебургское¹¹, – с издевательской кротостью напомнила Катерина.

– Я того и выговорить не могу, а понимаю! Та хибя ж без князя наш Дмитро в ученики до цеху попал? Мыкался бы на хуторе десь али на Сечь подался, а руки ж у хлопца золотые!

– До цеху Дмитро попал, бо пану цехмейстеру на лапу сунули! А сколько еще платить придется, чтоб он подмастерьем заделался! Скажите, мама!

– Тут уж пан князь Острожский навряд может быть признан виновным, цех зброярив ему не подвластный, – мягко сказал дяк, и обе спорщицы, старая и малая, насупившись, принялись яростно пить молоко.

– Замковые берут, чего городским не брать? – пробубнила в кружку неукротимая Катерина.

– «Вместо смирения, простоты и нищеты гордость, хитрость и лихоимство владеет»¹², – печально вздохнул дяк, и Катерина торжествующе поглядела на Рузю. Та лишь фыркнула в ответ. – Спасибо за хлеб-соль, пани Надия, бежать мне надобно, к заутрене не опоздать. А как повернусь, с панянкой сотниковной урок и начнем – по той самой «Азбуке Острожской», что ничего доброго не сделавший князь Константин издал.

Дяк отряхнул хлебные крошки с бороды, поклонился и вышел в сени. Катерина метнулась за ним:

– Пан учитель, вы тоже думаете, неправая я?

– Поговорим, как вернусь, – уклончиво ответил дяк. – А ясная панянка сотниковна, коли уж задает вопросы, пусть подумает: что доброго сделали пан Косинский и его войско?

– Они сделают! – истово, словно символ веры, сказала Катерина. – Иначе на что оно все?

– Вот то и оно – на что? – задумчиво сказал дяк. Ясная улыбка промелькнула на молодом лице, и, обходя гогочущих гусей и мечущихся по двору кур, он двинулся к калитке.

Катерина зло перебросила косу с плеча на плечо. Ладно Рузя – старая и ничего не понимает, но пан дяк человек молодой, книги умные читает... в Острожской типографии изданные. Ну и что, типография? А как шляхтичи киевские, князю подвластные, на фольварках¹³ своих мастерские ставят, а податей не платят и цену сбивают, хотя сами в городе торговать и вовсе права не имеют? А честным цеховым с голоду помирай! Не может такого быть, чтоб пан дяк был за князя.

– Катерина! Ты меня вовсе не слышишь?

– Пусти рукав, оторвешь, кто пришивать будет? – разозлилась она на брата. – Ты чего тут сидишь? Твоя чередя цеховых гусей пасти! Забыл разве? – Катерина поглядела на Дмитра, перебирающего пистоль в тряпице, и ехидно хмыкнула: – И впрямь забыл! Ой, не

¹¹ Магдебургское – Право средневековых городов на самоуправление.

¹² Иван Вишенский (между 1545–1550 – после 1620) – православный монах, духовный писатель, публицист. Цитата из его книги «Тобе, в земли, зовемой Полскою, мешкаючому всякого возраста, стану и преложенства народу, рускому, литовскому и лядскому, в разделеных сектах и верах розмаитых, сей глас в слух да достиже».

¹³ Фольварк – панская усадьба. Мастерские фольварков не облагались налогом, а значит, их продукция была дешевле городской.

могу, пан Дмитро думает, он уже подмастерье и гусей ему пасти не надобно! Пан мастер тебе дубинкой напомним!

– Попаси утром за меня, Катрусь! Не кричи! – оборвал он, прежде чем Катерина успела высказать все, что она думает о таких предложениях. – Я с пистолем закончу и к тебе прибегу, – и уже прямо в ухо зашептал: – Янко, подмастерье, в странствия уходит, у других мастеров учиться. Пан мастер сказал: ежели я до завтра с пистолем разберусь, меня на его место возьмет – и никому на лапу давать не придется! – мстительно буркнул он.

Ишь ты, разобиделся! А чего такого – она правду сказала! Чтоб подмастерьем стать, изрядные гроши нужны. Которых у семьи и нет вовсе. А жить-то надо, а подмастерье – не то что ученик. Но не соглашаться же вот так, сразу, а то брат вовсе на шею сядет!

– А я тебе с первых грошей кораллы куплю, – подлестился Дмитро.

– Монисто, – строго сказала Катерина. – И черевички на ярмарке, – и, не дожидаясь согласия – а куда он денется! – выскочила на двор и коротко, по-мальчишечьи, свистнула в два пальца.

Раздался гогот, и, бойко переваливаясь, Катеринин любимец, большой белый гусь, выбрался из-за амбара. Две гусыни покорно следовали за своим краснолапым и красноклювым повелителем. Гусь потянул к Катерине длинную шею, она почесала гладкий, покрытый нежным пером лоб. Катерина любила живность – ей бы на хуторе жить, да разве мама с Рузей согласятся: татары, набег, опасно... Поду-умаешь, жены казацкие живут, и ничего! А эти две в сундук бы ее затолкали и сверху сели, чтоб чего не вышло. А жить когда?

С улицы слышался топот: не иначе кожевники свое стадо гонят, припозднились они нынче...

– Пошли, пошли! – Катерина выдрала тонкую лозину – не для своих гусей, упаси бог, для соседских, свои ее и так слушают. Тихонько посвистела – Белый солидно поковылял к воротам. Маленькое птичье стадо вышло на улицу, Катерина притворила калитку – сейчас по соседям пройдет и...

В слабеньком еще рассвете улица была будто нарисована углем – даже зеленые деревья казались темными. Похожая на черный крест фигура замерла в дальнем конце – широко раскинутые руки молодого дьяка словно старались прикрыть Катерину, ее гусей, беленые мазанки под вишневыми деревьями... Грохнули копыта, и темная, как туча, конная масса ворвалась в улочку – проблесками молний сверкнули сабли. Фигура-крест переломилась пополам, как подсеченная серпом соломинка, и осела на утопанную дорогу. Короткий хриплый крик пронесся над едва проснувшейся улицей... и замерло, застыло, смолкло все. Точно закаменел, растопырив крылья, большой белый гусь. Смолк, как ножом срезанный, звон колодезной цепи на соседнем подворье, оборвалось блеяние козы, утренний скрип колеса и плач младенца. Вжавшаяся в ворота Катерина слышала лишь нарастающий топот и хриплый сап лошадей. Кажущееся сейчас таким маленьким тело дьяка безжизненно, как сверток ткани, перекатывалось под конскими копытами.

«Он без облачения был... Без облачения... – бессмысленно стучало в голове у Катерины. – Они не поняли... они...» Как в забытии она шагнула вперед... словно еще можно было спасти, помочь, остановить. Белый гусь метнулся наперерез, дико гогоча и взмахивая крыльями. Катерину отбросило к воротам. Конная лава пронеслась мимо – ярко пылали алые наверхи казацких шапок, разлетались на ветру откидные рукава кунтушей¹⁴. На краткий миг улочка опустела... И снова в проулок хлынула лава – пешие казаки-сердюки бежали, мерно стуча походными чоботами. Похожие на блины лица с неразличимыми чертами, вислые усы, короткие пики на плечах... Пешее войско ровно и неумоимо следовало за кон-

¹⁴ Кунтуш – старинная польская и украинская верхняя одежда с прорезями на рукавах. Часто надевался на жупан и был характерной приметой состоятельных и знатных людей.

ными – и словно ручейки от стремнины от него откалывались отряды по трое, четверо. Катерина увидела их рядом, совсем близко, один казак крепко и больно схватил ее за плечо.

– Пусти дзецько, лотр поганый! – выметнувшись со двора Рузя опустила чугунный котелок на голову сердюку. Казак пошатнулся – шапка с барашковым околышем смягчила удар. Толчок – Рузя отшвырнула Катерину в сторону, девочка упала между отчаянно шипящих гусей. Взметнулась пика – Рузя повисла на острие, словно проколота сапожным шильцем гусеница. Сердюк легко стряхнул тело старой литвинки с пики, Рузя упала совсем рядом. Катерина на четвереньках метнулась к ней...

С грохотом вылетел засов на воротах и, путаясь в разлетающихся курах, сердюки ринулись во двор.

– Сотник! Мой муж был казацким сотником! – с истошным криком кинулась им навстречу мама.

– Так мы тут теж все казаки! – захохотали ей в ответ и... Катерине показалось, что ее здесь нет. Что она на самом деле крохотный такой человечек, прячущийся в теле большой Катерины, и через ее глаза, как через крепостные бойницы, заглядывающая в мир, которого просто не может быть! В том, наружном мире большой Катерины вислоусый здоровяк схватил маму за руку. Она закричала, вырвалась... Но не пробежала и пары шагов – усач нагнал ее...

– А ну стой! – здоровенный, как тыква с огорода, кулак врезался вырывающейся женщине в висок. Мамин крик оборвался. Словно враз лишившееся костей тело осело наземь. Мамины волосы безжизненно рассыпались в пыли.

– Ох ты ж сатана! – казак остановился, растерянно поглядывая то на свой пудовый кулак, то на распростертую у его ног женщину.

– Мама-а-а! – отчаянно закричала та, большая Катерина, сквозь которую в мир выглядывала маленькая, и кинулась вперед. Сухонькая старушечья ручка сомкнулась у нее на щиколотке, заставив со всего маху грохнуться на дорогу. И от удара Катерина большая, та, что снаружи, и маленькая, которая внутри, снова слились в одно целое. Девочка приподнялась на локтях: там, на дворе ее родного дома, неподвижно, не шевелясь, лежала мама – с белым, мертвым лицом.

– Хоть девку не упустите! – хрипло заорал усач.

– Та бежи ж, дурне дзецько! – прокричала Рузя, и кровь выплеснулась у нее изо рта. Старая литвинка свернулась на дороге клубком, прижимая ладони к животу.

– А ну стой, девка! – Двое сердюков бежали к ней. Окошко такой знакомой, такой родной горницы распахнулось – и грянул выстрел. Догоняющий их усач скорчился, хватаясь за пробитое плечо. Сердюки остановились, с беспокойством оглядываясь на товарища. Из окошка хаты вился дымок пистолетного выстрела.

«Дмитро собрал пистоль», – промелькнуло в голове у Катерины, а ноги уже несли вверх по улице.

– Охрима подстрелили! До хаты, хватайте кто там!

– Дмитро! – на бегу взвыла Катерина, но не остановилась и не оглянулась.

– Девку ловите! – За спиной тяжело забухали шаги – за ней погнались. И тут же громкое шипение, гогот, удары крыльев – и человеческий крик боли. – Ах ты ж гусак поганый!

Будто ветер дунул Катерине в ноги – только подол рубахи развевался и, точно подгоняя, шлепала между лопатками коса.

– Стой, тварюка мала, хуже будет! – шаги были уже близко, ее нагоняли.

Катерина бежала кривыми проулками Подола. Высоко на горе пылал замок – словно свеча, озаряющая последним, пекельным светом разоряемый город. Искрами к рассветным небесам взвилось подворье кожевников – остро несло горелой кожей, от брызг жира на соломенных стрехах окрестных хат робко расцветали первые желтенькие лепестки огня... и хаты

вспыхивали одна за другой – улицы разгорались, и рассвет тоже, золотистый солнечный свет смешивался с желтым, и черный дым поднимался к свеженьким, радостным июньским небесам. Истошно кричали женщины, но почти нигде не дрались – Киев не сопротивлялся, застыв в ужасе и оцепенении. Только из одного подворья выскочил здоровенный парень со слишком коротким для него клинком в руках...

– Янко! Янко! – из последних сил закричала Катерина, узнав подмастерье Дмитрова цеха. – Спаси! – Она с размаху врезалась в парня, вцепилась в подол его рубахи. Ее ухватили за шкуру, как щенка, подмастерье швырнул ее себе за спину.

– Беги! Що духу! – рыкнул он, бросаясь навстречу преследователям.

Катерина побежала, снова. Лязг стали за спиной заставил ее оглянуться – увидеть как острое казацкой сабли выходит из спины Янко. Глухо вскрикнув, она из последних сил ринулась вперед, проскочила мимо горящей телеги с сеном и вырвалась на Магистратскую площадь. По площади сновали казаки, стаскивая добро из богатых домов к ногам ангела над городским колодцем. Небрежно, словно очередной тюк, на кучу добычи швырнули скрученную по рукам и ногам молоденькую шляхтянку в изодранной ночной сорочке. Лицо ангела осталось безмятежным.

Широко растопырив руки, точно курицу ловил, молодой казак кинулся Катерине наперез. Девчонка вильнула, прыгнула вперед – и с разбегу зацепилась за лежащее на площади тело в богатых одеждах. Кубарем покатилась, вскочила, постанывая от боли в разбитых коленках... Ее схватили за косу, рывком подняли над землей. От лютой боли Катерина взвыла, слезы брызнули из глаз – ей казалось, что натянувшаяся до предела кожа сейчас просто сорвется с головы, обнажая окровавленный череп.

– Ах ты ж... – сквозь пляшущий перед глазами туман проступило искаженное злостью усаемое лицо. Удар вышиб из Катерины дух, заставив закачаться точно груша на ветке. Сквозь гул в ушах накатывали крики:

– Слава гетману! Слава!

Катерина всей тяжестью свалилась на землю – поймавший ее усач тоже орал, потрясая саблехой и не забывая другой рукой придерживать за косу свою пленницу. Гнедой конь с породистой «щучьей» мордой переступал тонкими сильными ногами, пробираясь меж трупами и горами добычи. В седле, круто подбоченившись, возвышался пан в казацкой бараньей шапке, из-под которой торчал длинный польский чуб, и в роскошном аксамитовом кунтуше со смарагдовыми пуговицами. Битые черепки хрустели под копытами его коня. Навстречу, спотыкаясь и чуть не падая, ковылял городской войт¹⁵ в лучшем своем кафтане, накинутом прямо на исподнюю рубаху.

– За что таковое разорение, пан гетман Косинский? – останавливаясь в нескольких шагах от коня и не смея поднять глаз на всадника, пробормотал войт. – Какая вина наша перед славным лыцарством запорожским? Или ж мы не православные?

«Косинский... – застучало в голове у Катерины. – Это он, он поможет!» – она отчаянно рванулась. Коса натянулась как струна – и выскользнула из кулака ее поимщика.

– Стой, куда?

Но Катерина уже повисла на гетманском стремени:

– Пан гетман! Пан! Мы – казацкого роду, тятя... сотником... Мамка, братик! Во имя Бога, пан гетман, спасите! Мы за вас! За вас!

Гетман Косинский опустил глаза, увидел поднятое к нему залитое слезами девчоночье лицо и брезгливо шевельнул сафьяновым сапогом:

– Здесь нет никого «за нас». Нет казацкого роду. – Он возвысил и без того сильный, с лязгающим польским акцентом голос так, чтоб слышно было по всей площади. – Проклятые

¹⁵ Войт – глава магистрата, городского самоуправления, в городах, имеющих магдебургское право.

Острожские – предатели казачества, и все, кто им служит – суть здрайцы¹⁶ безбожные! Верно я говорю, братья-казаки?

– Слава гетману! – орали вокруг.

– А кто хочет от предательского клейма отбелиться – присягайте на верность мне! И лыцарству запорожскому, – торопливо добавил гетман.

– Пан гетман, как можно? Князь Константин, воевода наш, этого не простит! – испуганно забормотал войт.

– Не того боишься, войт киевский! – мрачно усмехнулся всадник и небрежно махнул унизированной перстнями рукою. – Повесить!

– Да как же? Да за что, пан гетман?! – Войт рухнул на колени, но его, воющего от ужаса и причитающего, подхватили под руки и поволокли. Веревку перекинули через вывеску корчмы, миг – и рядом со свисающей на цепях бочкой закачалось длинное тело. Ломкая в свете пожара тень дернулась раз, другой и затихла.

Гетман тронул коня... так и не расцепившая сведенных ужасом пальцев Катерина поволочлась за стремением.

– Отцепите же ее! – бросил в пространство гетман. Сильные руки ухватили Катерину за локти, и грубый голос с извиняющимися интонациями забормотал:

– Прощенья просим, пан гетман, вырвалась, такая шустрая!

– Девку – к остальной добыче! – жестко скомандовал гетман, кивая на возы, куда уже деловито принялись сгружать добро. Затрещала, отламываясь, дверца расписного комодика. Хрустели под сапогами черепки простых глиняных мисок и бесценных ваз веницейского стекла. – А то знаю я вас! – многозначительно погрозил хлыстом гетман и тронул коня.

«Мы – добыча. Я, Дмитро, Рузя... Мама... Предатели, здрайцы безбожные... Потому что иначе мы не были бы добычей!» – вдруг поняла Катерина.

– Пошла! – за скрученные руки ее поволокли к возам. Она яростно брыкнулась... видно, попала, ее пленитель зашипел от боли:

– Побрыкайся мне! – громадный кулак взвился над головой, и Катерина рухнула у колеса.

¹⁶ Здрайцы – предатели.

Глава 4

В погоне за бешеной коровой

Колеса уныло скрипели. Дорога, серо-коричневая полоса утоптанной пыли, все тянулась и тянулась, вихляя как змеинный след. Колесо подпрыгнуло на торчащем посреди дороги камне и тут же завалилось в выбоину.

– Черт бы побрал эту проклятую телегу, и эту дорогу, и...

– Машенька! Ради бога, не ругайтесь так страшно, вы же дама! – Греза Павловна тряпочкой повисла на ремне безопасности.

На заднем сиденье повалившиеся друг на друга Мурка, Кисонька и Нюрочка распутывали руки-ноги. Мама, пофыркивая, как разозленный еж, ткнула пальцем в кнопку GPS-навигатора.

– Населенные пункты поблизости отсутствуют, – в невозмутимом голосе навигатора, казалось, промелькнуло злорадство.

– Никуда! – Мама стукнула кулаком по рулю. – Этим летом мы не можем поехать вообще никуда! Мы обречены!

– Ой, так еще страшнее, чем когда вы ругаетесь, – Греза Павловна с трудом выпрямилась.

Мама рванула заклинившую дверцу, выбралась из задравшего капот «Мерседеса» и растерянно огляделась. Впереди была грунтовка – и лес. Сзади тоже был лес, а грунтовок не было, она пряталась за поворотом, тем самым, за которым подлый навигатор обещал возделенную цель... а потом взял свои слова обратно!

Мама выхватила из бардачка карту и с размаху шлепнула ее на машину:

– Ну и где это «место встречи»? Острополь здесь, Йосиповка... Сербиновка... – Мама пристроила рядом распечатку с описанием дороги и водила по нему ногтем. – Поломанный столб был?

Мурка с Кисонькой кивнули – очень нерешительно, потому что поломанный столб был не один. На уходящей от основной трассы слабо-асфальтированной дороге поломанных столбов оказалось много. И возле каждого они останавливались, проверяя, нет ли рядом «ответвления, слегка заросшего деревьями». И возле каждого очередного столба, естественно, все больше зверели. Наконец ответвления нашлись – причем сразу два, по обеим сторонам дороги и ведущие в разные стороны! Возле них пассажиры долго медитировали, пытаясь понять, какое же из них «слегка заросшее». На первый взгляд (на второй тоже) оба были сильно заросшие и даже заросшие почти совсем.

– Но бетонные же плиты были! – вскричала Мария Алексеевна. – Здесь же ясно написано – «вымощенная бетонными плитами»!

– Плиты были, – подтвердила Кисонька. Потому что метров через пятьдесят плиты кончились, сменившись вот этой грунтовкой имени великого японского дорогостроителя Тоямы Токанавы.

Мама негромко, но явственно зарычала. Кисонька схватилась за мобилку.

– Есть покрытие! – радостно закричала она и тут же нажала номер.

– Да? – откликнулся молодой женский и при этом явно заспанный голос.

– Ура-а-аа! – обозначив губами беззвучный восторженный вопль, Кисонька затарахтела в мобилку: – Здравствуйте, как хорошо, что вы наконец ответили! Прошу прощения, но мы тут заблудились и теперь никак не можем до вас добраться!

– Прощаю, – сквозь зевок откликнулась девушка и... отключилась, слышались короткие гудки.

Кисонька отняла трубку от уха и уставилась на экран – словно не могла поверить своим ушам и теперь перепроверяла глазами.

– Дай! – Мама выхватила у нее мобилку и нажала на сенсорный экран с такой яростью, что бедняга телефон аж дернулся.

– Что вы себе позволяете? – в лучших традициях Грезы Павловны холодно поинтересовалась она, когда голос возник в трубке снова.

– А что? – снова послышался протяжный зевок. – Вы говорите, что не приедете. Ну и ладно, ваше дело, – и словно что-то вспомнив, добавила: – Типа, спасибо за звонок.

– Пожалуйста, – процедила мама. – Только мы едем!

– А на фиг б мы им иначе деньги переводили? – возмутилась Мурка – видно, громко возмутилась, с другой стороны ее услышали.

– Деньги мы не возвращаем, – немедленно сообщил голос в мобилке.

– Дежа вю, – ошалело пробормотала мама. – Что, у нас в стране все разом обанкротились?

– Ничего мы не обанкротились! – обиделась ее собеседница. – Просто если вы заплатили за экспедицию, а потом передумали, почему мы должны страдать?

– Девушка! – вскричала мама.

– Фи, милая, какое вульгарное обращение! – укоризненно нахмурилась Греза Павловна. – Хуже только как купчины в старину: «Эй, человек!»

– Если Марья Алексеевна назовет эту... э-э... девушку сударыней, то эта самая... э-э... девушка сильно удивится! – возразила Нюрочка.

Мама их не слушала.

– Мы не передумали! – изо всех сил стараясь не сорваться на крик, цедила она. – Я же сказала, мы к вам едем!

– А... зачем? – вдруг растерянно спросили на той стороне трубки.

– Искать клад Кшиштофа Косинского!

– А... Вы и правда рассчитываете его найти? – задушевно поинтересовались в трубке. Марья Алексеевна вдохнула... выдохнула... и отдельно произнесла:

– Мы-перевели-деньги-за участие-в поисках-клада. За пять человек. Вы эти деньги получили. Теперь мы едем, чтобы за эти деньги отдохнуть и развлечься. И если мы не получим, за что заплатили, подадим на вас в суд!

– Ладно, вернем мы вам деньги, если так... – забормотала девушка, и тут мама сорвалась:

– Мы не хотим деньги! Мы ехали по вашим указаниям, а теперь стоим на какой-то лесной дороге, GPS утверждает, что дальше ехать некуда, а мы хотим знать – куда же все-таки ехать?

– А... О... У-у... – протянула девушка, похоже, решив перебрать все гласные в алфавите, и наконец выдавила нечто членораздельное: – Вы далеко?

– Под Остроподем.

– Близко-то как... – в ее голосе явственно слышалось огорчение. – Ну... тогда вы почти добрались.

– Как бы нам совсем добраться? – настаивала мама.

– Но я же не знаю, где именно вы сейчас? – теперь возмутилась девушка. – О, вы вот что! – возрадовалась она найденному выходу. – Расспросите местных, и они вам подскажут, как доехать к старому сельсовету! – И в трубке снова послышались гудки.

Мама отняла мобилку от уха. На дороге – никого. По обочинам – темные мрачные елки среди веселых лиственных деревьев, шорох ветерка, солнечные блики на листьях, тонко жужжат комары и стрекочет в лесу одинокая пичуга.

– Вообще-то люди тут есть, – высовываясь из окошка, высказалась Мурка. – Вон, смотрите! – и ткнула пальцем в красующуюся рядом с колесом относительно свежую коровью лепешку.

– То есть о наличии людей ты судишь по коровьим какашкам, – прокомментировала мама.

– У нас сельское хозяйство в упадке, но до стад одичавших коров, вольно гуляющих по лесам, оно еще вроде не дошло, – отозвалась Кисонька.

– Коровы-мустанги, – прикинула Мурка. – Подкарауливают у обочины заблудившиеся автомобили, выскакивают из засады и...

– ...сжирают вместе с колесами и бампером, – закончила мама. – Тогда это не мустанги, а мутанты.

Цок-цок... Негромкий цокот копыт раздавался звучно и отчетливо. Заливающаяся в лесу пичуга вдруг поперхнулась и смолкла.

– Коровы-мутанты? – сидящая между близняшками Нюрочка завертелась, выворачивая шею, в надежде рассмотреть поворот.

Из-за поворота показалась корова. Перешла на крупный тяжеловесный бег и... грозно выставив рога, ринулась к машине.

– Ай! – с задушенным воплем мама впрыгнула в салон.

Бумм! – корова долбанула рогами «Мерседесу» в зад. А-а-а-а! – машина закачалась, Кисоньку швырнуло на Нюрочку, и обе они рухнули на Мурку, выдавливая ее в окно. Му-у-у! – корова пошла юзом, тряся ушибленной башкой.

– Ах ты ж трясца твоей коровьей маме, скаженна скотина! – Из-за поворота галопом вылетела мелкая лохматая лошаденка. Скачущий без седла бородастый дедок точно шашкой взмахнул длиннющей лозиной и с оттяжкой огрел корову по крупу. Хулиганистая корова с тяжеловесным изяществом развернулась на задних копытах – и ринулась на деда.

– А-а-а-а! – дружно заорали пассажирки «мерса». Только свисающая из окна Мурка выбивалась из общего хора, вопя:

– Тащите меня обратно, мне уже живот до позвоночника продавило!

Кисонька и Нюрочка в четыре руки тянули ее за штаны.

Дед мчался навстречу корове. Они сходились: выставившая рога корова и дед в развевающейся на ветру клетчатой ковбойской рубашке. Полтора метра... метр... они уже совсем рядом... кривые коровьи рога направлены деду точно в грудь! Хрясь! – Лозина полоснула корову по глазам, по носу, еще раз по носу... И дедов кулак смачно впечатался ей в лоб.

– А ну стоять! – властно рявкнул дедок. Корова тормознула как в мультиках, всеми четырьмя копытами зарываясь в грунт. – Не, мало мне, что я ее с ранку по всей округе шукаю, так она ще и в драку лезет! Совсем обнаглела! – дедок птицей спорхнул с седла и принялся накручивать веревку на рога строптивой коровы. – Все, добежалась! На ковбасу пушу, ковбасой не побегаешь! – дедок решительно затянул узел и повернулся к машине. – А що тут у нас таке? – заглядывая в водительское окошко, спросил он. – Гей, дамочки, а що вы тут на дороге забулы? Трасса ось там! – он ткнул пальцем за спину.

– Мы заблудились! – вскричала мама, понимая, что дед с его бодливой коровой их единственный шанс добраться до места. – Нам надо к старому сельсовету!

– Тю! – обрадовался старик. – Так це вы те отдыхающие, для яких наша бабка Олена с ранку куховарит? Шо ж вы тут стоите, там вже так борщом пахнет, що мабуть волки з лису скоро на той запах вийдуть! Ехайте за мной! – он вскочил на свою лошаденку и въехал ей пятками в бока. Лошаденка сорвалась в галоп. За ней так же лихо поскакала корова. Развевающаяся дедова рубашка начала быстро удаляться.

– Машенька, газуйте! – завопила Греза Павловна, хищным взглядом впиваясь в лобовое стекло. – Мы не должны упустить этого мужчину!

Мама безумно покосилась на Грезу Павловну и нажала на газ. «Мерс» ринулся в погоню. Дедок, лихо гикнув, свернул с грунтовки – молотя копытами, лошаденка и корова скакали по присыпанной хвоей лесной дорожке.

– Я здесь не проеду! – завопила мама, с разгона влетая на тропу. Ветки застучали по бокам «мерса». Мама судорожно вцепилась в руль, удерживая машину на дороге. Куполом сомкнувшиеся над головой деревья разошлись, машина выскочила из леса – яркое солнце хлестнуло по глазам. Колонна из лошаденки, коровенки и преследующего их по пятам «мерса» мчалась через луг. Комья из-под копыт галопирующей коровы летели в лобовое стекло, мотор истошно выл, колеса наматывали траву и липкую грязь – луг оказался заболоченным.

«Сейчас нас засосет!» – Мурка представила, как машина погружается в маслянистую полужидкую землю.

Мама прибавила скорость, и к краю луга они с коровой пришли фара к ноздре. Дед кинул ревнивый взгляд через плечо – лошадь и корова снова вырвались вперед. «Мерс» катил по битому асфальту, то и дело цепляясь за проросшие сквозь трещины кустики. Мимо мелькали развалившиеся мазанки, остовы стен, дома без крыш с начисто вынесенными окнами. «Мерс» проскочил улицу, выкатился из деревни и направился к растянувшемуся по холму административно-солидному зданию 70-х годов прошлого века – в два этажа, под двускатной железной крышей и с кирпичными колоннами у входа.

– Тпр-р-ру! Приехали! – бросил дед то ли кобыле, то ли «мерсу». – Ото бывший сельсовет и есть.

Глава 5

Сельсоветский сервис

Передняя дверца распахнулась, и из «мерса» высунулась рука. Сухонькую старушечью лапку украшала пара антикварных серебряных колечек. Ручка застыла, протянутая словно для поцелуя. Ничего. Наманикюренные пальчики нетерпеливо прищелкнули и недвусмысленно пошевелились в сторону дедка.

«Я?» – слегка прибалдевший дед вопросительно ткнул себя в грудь. Пальчики поманили – колечки блеснули на солнце. Дед соскочил с лошаденки, настороженно, точно боясь попасть в засаду, подобрался к «мерсу» и аккуратно перехватил протянутые пальчики широкой волосатой лапищей.

– Ах, вы такой сильный мужчина! – с пассажирского сиденья выпорхнула Греза Павловна в белоснежной блузе с кружевным жабо, манжетами и, уступка турпоездке, черных брючках. На тщательно уложенных седеньких кудельках красовалась крохотная шляпка.

– Гей, диду! А шо то за ляльку городскую ты привез? – пронзительно заорали от крайней хаты. Мурка и Кисонька, как белки из дупла, дружно высунулись каждая в свое окно. На скамеечке у хаты сидели две бабки, несмотря на летнюю жару облаченные в серые пальто и туго затянутые платки.

– Какие милые дамы! – снисходительно обронила Греза Павловна. – Особенно та, левая – шелуха семечек на подбородке ей так идет! Проводите меня в дом, пожалуйста, а то тут все такое незнакомое... непривычное... А с вами так спокойно, – беря дедка под руку, проворковала Греза Павловна. Дед сразу подтянулся, даже попытался свободной рукой заправить ковбойскую рубаху в растянутые треники, и бережно, словно она могла разбиться, повел Грезу Павловну к крыльцу.

– То есть когда она кричала, что мы не должны деда упустить, она не имела в виду, что боится застрять в лесу, – озадачилась Мурка.

– Тетя очень забавная, – пробормотала Нюрочка.

– Пойдемте посмотрим, что там, – может, еще обратно ехать придется, – буркнула мама. Вся компания вывалилась из машины и направилась к дому.

– Ты гляди, сколько их понаехало! – немедленно прокомментировала одна бабка – пронзительный голос несколько глушила зажатая между зубами семечка.

– То они клад приехали шукать. За гроши, – отозвалась вторая.

– Шукать гроши за гроши? – первая от удивления разгрызла семечку вместе со скорлупой. – А не найдут? Оте, перши гроши, шо, так и пропадут?

– То называется бизнес-риск, – с важностью ответила вторая бабка.

– Почему я чувствую себя полной идиоткой? – пробормотала мама.

Кисонька нахмурилась: если в ближайшее время их поездка не начнет хотя бы походить на отдых, остальные вспомнят, кто их сюда затащил.

– Зато пахнет здорово! – пришла на помощь сестре Мурка.

Пахло и впрямь неплохо: разогретой травой, цветами, медом... а из распахнутого окна на первом этаже неслись совершенно умопомрачительные мясные запахи. На подоконнике стояла корзина ягод.

– Если тут еще есть душ... – приободрилась мама. Они вошли в сумрачно-прохладный холл. На крашенной в прошлом веке стене еще висел стенд «Победители соцсоревнования» – с потускневших фотографий улыбались крепкие, будто топором рубленные, тетки и коренастые дядьки.

– А вы тут есть? – повисая у дедка на локте, немедленно поинтересовалась Греза Павловна.

– Ну так... – дед смущенно ткнул корявым пальцем в одну из фоток.

– О, какой вы молодец... Арсений, – читая имя под фотографией, пролепетала Греза Павловна. – Но знаете, сейчас вы выглядите даже лучше!

– Так это... куда ж... старый стал... – краснея под небритостью, отперся дед.

– Ну какой же вы старый! – не согласилась Греза Павловна.

– Есть тут кто живой? – поинтересовалась мама. Свернула в коридор и пошла вдоль дверей, трогая то одну, то другую. «Приемная», «Председатель», «Отдел животноводства», «Отдел культуры»... Все двери оказались закрыты, холодно-неприятный запах нежилых помещений перебивал ослабевший аромат жареного мяса. Приглушенно доносились голоса Грезы Павловны и дедка.

Четкий, осязаемый, будто ее палкой между лопатками ткнули, взгляд в спину заставил Мурку обернуться. Позади нее тянулся все такой же пустой, погруженный в дневной сумрак коридор. Ни одна дверь не дрогнула, зато резко и отчетливо прозвучал короткий металлический щелчок – будто передернули затвор.

Четверо в коридоре замерли. Ничего.

– Замок под сквозняком в пазах стукнул, – предположила Нюрочка, но почему-то шепотом. Мама успокаивающе закивала.

– Жалко, Катки тут нет, она бы сразу придумала очередной призрак, – принужденно усмехнулась Кисонька.

– Призрак коварно убиенной красавицы в заброшенном замке – это понятно, а какой может быть призрак в заброшенном сельсовете? Спившегося председателя? Нет уж, в такое я поверить не могу! – не согласилась мама. Распахнула дверь в конце коридора и запрокинула голову, разглядывая невысокую лестницу. – Здесь же никого нет! – Голос ее гулко прокатился меж стен и увял в тишине. Она неторопливо поднялась по лестнице, заглянула в коридор второго этажа и... застыла в проеме. Мурка с Кисонькой просунули головы одна поверх маминой руки, другая под локтем.

По коридору бегали люди. С дверью в руках. Удерживая дверь на весу, они бесшумно пробежали несколько шагов назад – топ-топ. Замерли, растерянно глядя друг на друга, и так же бесшумно и неслышно – топ-топ-топ – побежали обратно. Дверь болталась туда-сюда, как качели, так и норовя стукнуться углами об стенку. Яркий солнечный свет из опустевшего дверного проема падал в полутемный коридор, освещая их суету.

– Что там... Ой! – Нюрочка подпрыгнула, тоже пытаясь заглянуть в коридор.

Девушка с дверью стремительно обернулась и... выпустила свой край. Глаза у вцепившегося с другой стороны мужика стали безумными, он попытался удержать дверь как поднос, и долю секунды ему это удавалось. Потом дверь вывернулась у него из пальцев, и освободившийся край ухнул мужику на ногу. Его рот распахнулся в беззвучном крике, он рванул ногу, поджимая колено к груди... Дверь накренилась и... – банннг! – свалилась на пол с долгим вибрирующим грохотом.

– Видите, что вы наделали! – с упреком бросила девушка. – Зачем вы вообще приехали! – протоптала по упавшей двери – банг-банг-банг! – влетела в соседнюю комнату и захлопнула за собой дверь. Другую. Целую. Мужик скакал на одной ножке. Бух-чпок-бух! Бухал старый пол, и чвякал отклеившийся линолеум. Мужик судорожно вздохнул, замер в позе цапли, обнимая собственную ногу, точно боялся с ней расстаться. Наконец медленно опустил ее на пол.

– Извините, пожалуйста! – Он кинулся поднимать дверь. Та грюкала и сопротивлялась.

Девчонки аккуратно вдвинули маму в коридор, подхватили дверь с двух сторон и прислонили ее к стене.

– Что здесь вообще происходит? – с чувством спросила мама.

– Черт знает что! – так же с чувством откликнулся мужик. – Думаю, вам... лучше всего уехать!

– Что? – выдохнули одновременно все четыре дамы.

Близняшки переглянулись – опять? Каникулы этим летом заколдовали?

– Мы были уверены, что сможем обеспечить вам отдых, но... – физиономия мужика вдруг стала совершенно покаянной. – Все пошло не так! Вот! – он патетическим жестом указал на прислоненную к стене дверь. – Даже двери вываливаются! Мы переоценили свои силы, у нас ничего не выходит, мы... Вы просто должны нас понять!

– Не должна, – обрывая его излияния, отрезала мама, и мужик уставился на нее в изумлении: кажется, он был всерьез уверен, что его слезный лепет возымеет действие, его пожалеют, загрузятся обратно в машину и уедут. – Второй раз со мной этот номер не пройдет! – злобно отчеканила мама. – Вы с моими деньгами в Швейцарию не сбежите!

– Какую Швейцарию? – оторопел мужик, еще не понявший, что сейчас ему предстоит расплачиваться не только за себя, но и за владельца «АвиаМира» – и расплата будет страшна! – Мы вернем вам деньги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.